

Стамати-Чуря Константин Константинович

**Воспоминания об охоте по
Бессарабии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Константинович С.**
Воспоминания об охоте по Бессарабии / Стамати-Чуря Константин Константинович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 120 с.

ISBN 978-5-519-75240-4

ISBN 978-5-519-75240-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Le monde est une ripée,
Où l'on est tour-à-tour chasseur et gibier.

е возмется ли кто описать Бессарабскія степи, а право онѣ стоятъ описанія. Но для этого надо имѣть талантъ незабвеннаго Гоголя, который такъ прекрасно обрисовалъ намъ степи своей родины. Вспомните «Тарасъ Бульба» въ какомъ величїи изображена въ этомъ романѣ степная природа Украйны, съ принадлежащими ей преданїями старины Запорожскаго рыцарства. А степи Бессарабскіе не менѣе имѣютъ своихъ прелестей. Перелиста сперва

лѣтѣмъ края, а потомъ мысленно перенесясь въ давно-прошедшій вѣкъ могущества Татаръ, вы повѣрно найдете въ исторіи этихъ степей интересъ поэтическій, вамъ представится сюжетъ для описаніи въ высшей степени драматическій.

Не по этимъ ли степямъ нѣкогда тянулись жалкіе караваны несчастныхъ плѣнницъ, слѣдуя далеко.... далеко.... въ Бахчисарай, гдѣ въ гаремѣ Хана суждено было Молдавской дѣвѣ-красѣ изнывать подъ томительнымъ игомъ невольничества.

По этимъ степямъ, нѣрѣдко, свирѣпый Ногаецъ неся стрѣлою на дикомъ, какъ степи, конѣ, влача за собою изъ дальней Сучавы, окровавленный трупъ старика, чтобы бросить его на потѣху Крымскимъ воронамъ.

Въ этихъ степяхъ нѣрѣдко подъ сѣкирою палача падала голова жениха къ ногамъ невѣсты, или младенецъ, изъ котораго имѣлъ быть сынъ отчизны, умиралъ на груди своей матери, защищавшей его отъ роковаго удара своимъ племъ и слезами...

Но прошли злосчастныя времена владычества Татаръ и нынѣ надъ Бессарабіей величаво паритъ Русскій орелъ, осѣнивъ ее могучимъ крыломъ своимъ.

Бессарабскіе степи, въ настоящее время, представляютъ собою роскошныя, мирныя пустыни, въ

которыхъ не знаю, какъ кто, но подобный мнѣ охотникъ блаженствуетъ въ обществѣ пернатыхъ обитателей и поэтому въ моихъ воспоминаніяхъ читатель найдетъ одинъ простой рассказъ объ охотѣ по Бессарабскимъ степямъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ охотничьей жизни; что же касается до поэтической музыки, то я долженъ предупредить читателя, что она покинула меня въ то самое время, когда я садился въ огромный фургонъ и удалилась, изволите ли видѣть, къ тѣмъ искателямъ не степныхъ ощущений, которые, за письменнымъ столомъ, въ полумночной тиши, ждутъ нѣтія вдохновенія, необходимаго имъ для мадригала «къ чернымъ очамъ» паркетной красавицы или канатной плясуньи.

Впрочемъ, я несколько не жалѣю, что отъ меня на этотъ разъ отлетѣла музыка, а то пришлось бы ей плохо, еслибы я потребовалъ у ней мѣніи о силѣ и свойствѣ англійскаго пороха или объ выгодѣ копченнаго окорка въ стѣнныхъ мѣстахъ. Признаться и мнѣ было-бы не легче, если-бы она вздумала читать мнѣ лекціи пѣтики въ ту самую пору, когда надлежало мнѣ подумать скорѣй о легкости охотничьихъ сапогъ или о быстромъ приготовленіи зарядовъ.

И такъ къ дѣлу: Бессарабскія степи, выражаясь прозаически, представляютъ мѣстами обширное пространство земли, отъ 15 до 25 квадратныхъ верстъ.

Онѣ пусты необитаемы, но покрыты роскошными стюкосами, кое-гдѣ перемѣженными лужайками.

— Позвольте... позвольте! — восклицаетъ читатель — и больше ничего нѣтъ тамъ замѣчательнаго? Неужели Бессарабскія, роскошныя степи, покрытыя стюкосами, съ своей благодарной землей, не могутъ доставить сочинителю сюжета достойнаго для описанія и неужели авторъ ограничивается нѣсколькими словами, говоря о степяхъ ея... Какъ это не полно, скучно... не стану далѣе читать!!!

При этихъ словахъ вы бросаете воспоминанія мои съ рѣшительнымъ намѣреніемъ болѣе ихъ не читать, но я въ такомъ случаѣ буду очень холодно выжидать минуты, когда гнѣвъ вашъ уймется и вы докуривая благовонную сигару «Синопъ» станете насвистывать любимую арію, тогда положимъ, что какимъ нибудь образомъ «воспоминанія» мои нечаянно явятся и вы, отъ нечего дѣлать, вновь станете перелистывать ихъ и дойдете до страницы, во время чтенія которой такъ безжалостно меня осуждали и вмѣсто новой вспышки, промолвите иронически улыбаясь :

«Бываютъ же до такой степени бездарные писатели, которые, избравъ для своего сочиненія трудный, неблагоприятный сюжетъ, истязаютъ безжалостно

терпѣніе читателя длинною болтовнею подѣ какимъ нибудь пышнымъ заглавіемъ.»

На это я не премину отвѣчать: — Согласенъ съ вами, милостивые государи, но позвольте мнѣ замѣтить, что если вы часто въ жизни проводили безсонныя ночи, читая Шекспира, Гофмана и проч. то недурно вамъ будетъ пробѣжать и мою статью; она хотя и не заключаетъ въ себѣ ничего философическаго, историческаго или драматическаго, но въ замѣтъ этого, если вы найдете въ ней нѣчто наркотическое, то и этимъ я доволенъ, будучи увѣренъ, что вы прочтете до конца, а для меня этого лишь нужно. Да и для всякаго автора пріятнѣе, если произведеніе его читается, а не лежитъ незамѣченнымъ подѣ толстымъ слоемъ пыли.

Ну, не пріятно ли будетъ, когда вы, при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь знакомымъ, скажете:

«Mon chère — я могу гордиться своимъ открытіемъ микстуры противъ безсонницы!...

— Въ чемъ же состоитъ эта микстура? спрашиваетъ вашъ знакомецъ.

«Она составилась изъ сочиненія такого-то, — скажете вы. Въ отвѣтъ на это вашъ знакомецъ, улыбнется, вы также, а при этомъ и я буду отъ души радоваться, что въ литературномъ свѣтѣ хотя говорятъ объ моемъ сочиненіи.

Но Боже мой, что я почувствую тогда, когда бѣдное произведеніе мое будетъ лежать на пыльной полкѣ вашей библіотеки и его безжалостно станутъ грызть литературные вандалы — мыши, они уничтожатъ мои «воспоминанія» съ такимъ же самоотверженіемъ, какъ кусокъ пармазану и этимъ варварскимъ поступкомъ своимъ загрызутъ навѣки и литературную мою славу, которая такъ обольстительно манитъ меня къ себѣ. О! тогда паду я ницъ предъ кипюю моихъ «воспоминаній» и сквозь слезы буду нашептывать: лучше быть мышеловомъ, чѣмъ бездарнымъ писателемъ!!! —

— Вы, читатель, кажется улыбнулись?... О! этой ласковой улыбкой (нельзя допустить, чтобы вы могли улыбаться не ласково) этой ласковой улыбкой, повторяю, вы придали мнѣ смѣлости еще разъ попросить васъ пробѣжать мою статейку до конца.

— Пожалуй пробѣжимъ, промолвите вы, но только съ условіемъ, чтобы вы украсили ваши стены описаніемъ хотя одного кусточка, а подлѣ него хижины. —

— Ужь что касается до этаго, то умоляю васъ, не требуйте отъ меня невозможнаго. —

— Что за упрямство! да почему же напиримъ? —

— А вотъ почему... вамъ очень хорошо извѣстна неограниченность человѣческихъ желаній, и если

я прибавлю къ описанію Бессарабскихъ степей, для бѣльшаго украшенія, кусты да хижины, то вы пожалуй захотите и козликовъ, прыгающихъ по зеленой травѣ, а такъ какъ эти животныя не могутъ быть безъ надзора, то вы потребуеете хорошенькой пастушки, а такъ какъ въ этой пустынѣ ей будетъ скучно одной, то вы изъ состраданія къ ней прикажете придать черномазаго пастушка, а такъ какъ пастушку наскучитъ сидѣть сложа руки, то непременно надо будетъ надѣлать его свирелью, а такъ какъ свирель должна же надѣсть ему, какъ все надѣдаетъ на свѣтъ... и проч. и проч. Словомъ изъ настоящаго разсказа объ охотѣ выйдетъ идиллическій романъ Флоріана и только....

Въ воспоминаніяхъ моихъ, вмѣсто аркадскихъ пастушковъ и резвыхъ козликовъ — вы встрѣтите занимательные эпизоды изъ жизни охотника, бродившаго съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но какъ взыскательны, строгій критикъ, вы меня спрашиваете, развѣ можетъ быть охотникъ безъ ружья? Вы меня спрашиваете объ этомъ, а я вмѣсто отвѣта укажу вамъ на эпиграфъ моего разсказа:

Le monde est une pipée
Où l'on est tour-à-tour chasseur et gibier,

Вы согласны съ истиною этихъ словъ и если нѣтъ, то скажите, кто не охотится въ жизни

общественной и кто самъ не былъ, въ этой жизни дичью, подстерегаемой кѣмъ либо. За звѣрми гоняются охотники съ ружьемъ — а за прекраснымъ поломъ несутся ловеласы съ лорнетомъ. Одни стрѣляютъ дробью или пулями, другіе пронзительными взглядами, осыпая ихъ звонкими фразами, какъ мѣлкою дробью. Скупецъ бѣгаетъ по судамъ, стрѣляя въ разорившуюся молодежь просроченными векселями. Сочинители стрѣляютъ своими произведеніями, выпуская ихъ въ 20-и томахъ. За ломбернымъ столомъ игроки стрѣляютъ тузами и козырями, рассчитывая на кошельки другъ друга. Всюду, какъ видите, идетъ перестрѣлка, повсюду въ разныхъ видахъ и измѣненіяхъ охотятся, прицѣливаются, непрерывно мѣняясь ролями: то охотникъ становится дичью, то дичь начинаетъ охотиться.

Но изъ группы разнородныхъ охотниковъ мы возьмемъ во первыхъ охотника съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а во вторыхъ ловеласа, тоже, какъ вамъ извѣстно, въ своемъ родѣ охотника. Помнится, Овидій говаривалъ, что охотнику и волокитѣ нужны однѣ и тѣже качества, именно: хорошія ноги, вѣрный глазъ, острый слухъ и варварское хладнокровіе. Охотникъ долженъ узнавать дичь по малѣйшему слѣду, по малѣйшему движенію ея. Охотникъ долженъ указать вамъ тропу, по которой прошелъ

заяцъ, точно также, какъ опытный волокита укажетъ на слѣдъ, по которому можно пробраться къ такой-то красавицѣ. Но да не подумаетъ читатель, что волокита, указывая слѣдъ къ *такой-то*, обнюхиваетъ землю какъ пёсъ. Онъ не обоняніемъ ищетъ горячаго слѣда красавицы, а однимъ взглядомъ укажетъ слѣдъ куда она ускользнула; малѣйшее прикосновеніе ножки къ песку, чуть притоптанная травка поведутъ и охотника и ловеласа прямо къ цѣли ихъ понсковъ. Не было еще съ поконъ вѣка примѣра, чтобы подобные охотники, я разумѣю охотниковъ на дичь и звѣрей, и охотниковъ на блондинокъ и брюнетокъ, чтобы подобные охотники давали когда нибудь промаха.

Впрочемъ эти совѣты Овидія извѣстны и нашимъ охотникамъ и ловеласамъ. Въ отношеніи охоты и и волокитства наврядъ ли древніе писатели могли бы озадачить нашихъ современныхъ статистиковъ. Наврядъ ли теперь великій Немвродъ, подобно Жерарду, могъ бы устоять почью, въ шагахъ десяти лицомъ къ лицу съ Африканскимъ львомъ, и наврядъ ли знаменитая Клеопатра могла бы одурачить Парижскаго льва XIX столѣтія.

О! пынѣшнія коническія пули, для обитателей дремучихъ лѣсовъ, несравненно опаснѣе прежнихъ стрѣлъ. И Амуръ давно промѣнялъ свои стрѣлы и

крылья на модный фракъ и сталъ стрѣлять выпренными фразами , почерпнутыми изъ моря современныхъ романовъ.

Но пора кажется и обратиться къ главному предмету моей статьи, пора наконецъ извлечь васъ, читатель, изъ той смѣси разной разности, въ которой вы бродили, какъ въ лабиринтъ, желая наконецъ узнать куда я васъ приведу своимъ предисловіемъ.

Такъ какъ вы рѣшились, благосклонные читатели, усѣсться въ безконечно длинный нашъ фургонъ, заваленный лагавыми псами и добрыми друзьями, то да будетъ вамъ извѣстно, что мы изъ Кишинева отправляемся въ необъятно широкія степи, сохранившія со временъ Татаръ названіе «Буджакъ», что въ переводѣ на нашъ языкъ значитъ «уголъ».

